

Чжан Шаочи еще долго будет мучиться этим невыносимым выбором. Если судьба снова столкнет их с подобным, что ему делать? Наплевав на все, силой утащить мальчишку прочь, подальше от этой бойни, где воздух пропитан пороховой гарью и пахнет смертью? Или остаться рядом и вместе с ним делить жестокую реальность, чувствуя на губах и пальцах металлический привкус чужой крови?

Будет ли следующий раз?

Обязательно будет.

Силой увезти тебя — значит растоптать твои идеалы, пойти наперекор твоей воле. Остаться рядом — мое собственное, глубинное желание. Но боже, как же я за тебя боюсь.

Чжан Шаочи попытался подняться, но из горла вырвался невольный стон. Массивный корпус мотоцикла намертво придавил ему голень.

Он осторожно высвободил ногу. К счастью, обошлось без перелома — просто сильнейший ушиб, от которого мышцы свело судорогой. Но подняться из-за дикой боли он не смог. Тогда он пополз вперед на локтях. И когда вокруг начали собираться полицейские, Чжан Шаочи оказался первым, кто коснулся плеча Пэй И.

Пэй И лежал ничком, отвернув голову в сторону, и не подавал признаков жизни.

Шаочи не решался пошевелить его голову. Сердце сжалось от жалости, а в ушах зазвенело.

В голове Чжан Шаочи вихрем проносились самые жуткие сценарии. Мысли метались от одной безумной крайности к другой:

«Если ты останешься калекой, я скуплю половину города, чтобы обеспечивать тебя, паршивец, до конца дней».

Или:

«Если впадешь в кому, я стану для тебя воздухом и водой, буду проводить с тобой гребаный фотосинтез круглые сутки, пока ты не очнешься, но никогда не брошу...»

— Малыш, — тихо позвал он.

Его шепот тут же утонул в поднявшемся вокруг гвалте. Пэй И все равно не услышал бы его.

Спасенная женщина с плачем бросилась к своему сыну, у которого была лишь пара царапин на

лбу. Она прижала ребенка к себе, сквозь рыдания лепеча слова благодарности богу, после чего санитары увели их к машине скорой помощи.

Вдруг лежащий на асфальте Пэй И шевельнулся. Его длинные конечности медленно подогнулись, затем распрямились. Вот только левая половина тела, которой он принял удар о борт грузовика, казалась совершенно одеревеневшей.

Пэй И опустил голову и, стиснув зубы, с трудом сел. На асфальт упала вязкая слюна с прожилками крови — он сильно прикусил язык и десны во время удара. Посмотрев на побледневшего Чжана, он выдавил слабую улыбку:

— Я цел. Правда.

Следом за этим Командир Пэй обхватил правой рукой левое плечо и с резким, сочным хрустом вправил вылетевший сустав на место.

Чжан Шаочи перехватил его за лодыжку, не в силах смотреть на эти самодельные пытки.

— Не дергайся!

— Пусти, — Пэй И упрямо высвободил ногу. — Подожди здесь. Я должен взять этого... ублюдка...

Он сам привык ломать чужие кости, и мысль о том, что какая-то шваль посмела покалечить его, приводила его в бешенство. Такую обиду он прощать не собирался.

Он поднялся на ноги, пошатываясь. Тонкие струйки крови, стекающие по лбу и уголку рта, придавали его красивому лицу жуткое, почти демоническое выражение. Но он выкарабкался прямо из лап смерти. У кошки девять жизней — так просто его на тот свет не отправить.

Подбежал Чжун Цзэ. В его руке все еще был зажат пистолет, а взгляд виновато метался по фигуре командира.

— Командир, прости... Я...

Если бы он только вовремя открыл огонь и ссадил ублюдка с мотоцикла. Или просто вышиб ему мозги на месте.

Пэй И отмахнулся, давая понять, что винить себя не за что. Из носа хлынула кровь, и он небрежно утер ее тыльной стороной ладони.

Он брел среди серых бетонных зданий, точно бесплотный дух, порождение тьмы, преследующее себе подобных. Но где-то впереди все еще горел его личный маяк — теплый и яркий свет, который не давал ему сдаться.

Никто другой не понял бы его. В тот жуткий миг, когда чудовищная сила инерции швырнула его тело на металлический борт, а мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой боли, его подсознание выдало один-единственный образ — его маленького, дорогого Илью.

«Малыш Илья сейчас, наверное, в приюте, который устроило руководство? Мальчик, которого я только что вырвал из-под колес, примерно того же возраста... В этот раз ведь все обошлось? Я ведь успел?»

Пэй И всегда панически боялся не успеть, упустить, потерять то небольшое, что было ему дорого. Жизнь слишком часто оставляла его с пустыми руками.

Пока кругом царила суматоха и медики занимались ранеными, Чжан Шаочи на секунду отвлекся. Обернувшись, он обомлел: грузовик, который пару минут назад протаранил Пэй И, внезапно взревел двигателем, смял полицейские заграждения и рванул прочь, оставив за собой лишь облако вонючего выхлопа!

— С этой фурой что-то не так! Они заодно! — во весь голос заорал Шаочи, пытаясь привлечь внимание полиции. Его собственная нога отозвалась такой резкой, колющей болью, что он едва удержался на месте. Сука, не побежишь.

Тяжелая машина неслась по городским улицам. Казалось, водитель пытается скрыться, но его маневры больше походили на яростную охоту. Грузовик неумолимо настигал уезжающий мотоцикл убийцы.

Очевидцы и преследователи думали, что убийце на байке удастся проскочить. Еще немного, и он затеряется в бурлящей толпе у причала, сменит одежду, затеряется среди пассажиров парома и уйдет чистым.

Но грузовик резко прибавил ходу и всей своей массой подмял под себя заднее колесо мотоцикла. Шатен успел лишь обернуться и встретиться взглядом с ледяными глазами водителя в кабине. У него не оставалось времени ни на крик, ни на удивление. И уж тем более — на то, чтобы оставить полиции хоть какую-то зацепку, проливающую свет на этот кошмар.

Завыли сирены, на место трагедии стягивались патрульные машины с мигающими проблесковыми маячками. Полицейские спешно растягивали желтую ленту оцепления. На уши был поднят весь город; спецподразделения оцепили район по первому уровню тревоги.

Разбросанные по асфальту фрагменты тел являли собой жуткое зрелище — кровавый финал когда-то грозного убийцы. Впрочем, за устроенную им бойню и подвергнутых смертельной опасности мирных граждан это была вполне справедливая расплата.

Пэй И издали устался на место гибели. Шаг за шагом он приближался к оцеплению. В горле забулькало, и он выплюнул темный сгусток запекшейся крови. Но самым невыносимым для него сейчас были не переломы и ушибы.

Больнее всего ранил износ души — те невидимые шрамы, которые оставляет каждая подобная зачистка. Все это выглядело слишком жестоко. Пэй И понимал, что ввязался в нечто колоссальное. Раз он знает так много, не окажется ли он следующим в списке на ликвидацию?

Одного профессионального взгляда на тормозной след и кровавое месиво хватило, чтобы понять, где под колесами осталась раздавленная голова, где разорванная грудная клетка, а где — раздробленный таз и конечности.

Он не стал разглядывать то, что осталось от лица покойного. Вместо этого он сразу подошел к изуродованной средней части туловища — там скрывался ответ на его главный вопрос.

Пэй И опустился на колени, преодолевая боль в теле и опираясь одной рукой о землю. Его пальцы скользнули по безжизненной плоти, пробираясь под лохмотья штанов к области ягодицы. Из рассеченных мышц он ловко выудил то, за чем пришел.

Испачканные в крови пальцы мелко дрожали. Он скользнул взглядом по крошечному чипу и мгновенно опознал маркировку МКИА-6. Спрятав находку глубоко в карман, Пэй И решил во что бы то ни стало доставить ее домой. Кем бы ни был этот парень и что бы за чертовщина тут ни творилась, тайну нужно раскрыть.

Чуть позади Чжун Цзэ перехватил запыхавшуюся Не Янь, заслонив ей обзор рукой.

— Не смотри туда. Его буквально раскатало по асфальту.

— Да как так-то? — Не Янь убрала его руку, не веря собственным глазам. — От него же ничего не осталось... Одни ошметки.

— Полиция гонится за грузовиком, но шансов мало, — глухо отозвался Чжун Цзэ. — Чистая ликвидация. Концы в воду.

Пэй И развернулся, собираясь уходить. Но когда он проходил мимо очередного багрового пятна, его взгляд зацепился за металлический крюк, зловеще блестящий на солнце среди ошметков плоти. В горле мгновенно встал комок.

Впервые за всю историю их оперативной группы в наушниках связи раздался отчетливый звук того, как их безупречного командира тошнит.

— Все в порядке... Просто легкое сотрясение. Мозги отшибло при ударе, — пробормотал Пэй И, тяжело навалившись на Чжун Цзэ. Тот подхватил его под мышки.

Даже в этот момент в голове командира билась шальная мысль: «Я же чертовски красив, лицо-то хоть не пострадало? Все на месте?» — после чего его замутило с новой силой, и он шумно изверг содержимое желудка прямо на асфальт.

Серый асфальт стал стремительно приближаться к лицу. Земля завертелась перед глазами, колени подогнулись, и Пэй И, цепляясь за бедро Чжун Цзэ, сполз вниз.

— Командир?! Держитесь! Что с вами?!

Следующие несколько дней отважный командир Пэй провел в роскошной вип-палате лучшей частной клиники Неаполя.

Разумеется, нелегал без документов и с фальшивым паспортом никогда бы не удостоился такого ухода и лучших специалистов, если бы не его баснословно богатый бывший любовник. Чжан Шаочи денег не жалел.

Сам Чжан-цзун обосновался в соседней палате. Он ковылял на костылях, залечивая сильно распухшую ногу, на которую пришелся удар мотоцикла.

Когда Пэя только привезли и везли в процедурный кабинет, он внезапно вцепился мертвой хваткой в дверной косяк, не давая каталке сдвинуться с места, и хрипло орал:

— Я в полном порядке! Отвалите со своим лечением! Мне нужно на совещание! Где мои люди?!

Это внезапное буйство напоминало предсмертную агонию. Выдав порцию упрямого бреда, он снова зашелся в мучительном кашле, выплюнул кровь и окончательно провалился в беспамятство.

Без сознания он пролежал около пяти дней. В первые сутки, когда на губах раненого проступали алые капли, Чжан Шаочи едва не сошел с ума от ужаса. Он оборвал телефоны светил медицины в Штатах и Германии, кроя на чем свет стоит итальянских врачей и называя их тупоголовыми коновалами.

Ребята из Шестого специального отдела относились к ситуации спокойнее — они и не такое видавали. После столь жесткого физического столкновения и психологического шока мозг часто блокирует внешние раздражители, продлевая сон, чтобы дать организму восстановиться.

Это не было проявлением слабости или попыткой сбежать от реальности. Просто измотанное тело и перегруженная психика требовали перезагрузки. В конце концов, они были обычными людьми из плоти и крови, а не стальными бездушными машинами.

Пока Пэй И восстанавливал силы, Чжан Шаочи полностью оплачивал этот банкет.

Каждую ночь, когда клиника погружалась в тишину, спонсор этого пребывания заявлялся в палату без стука и зависал там до рассвета. Он усаживался у постели больного и подолгу смотрел на него — в просторечии это называется «пускать слюни».

Время от времени Чжан лениво листал сообщения в телефоне, вытянув травмированную ногу на диванчике, попивал ароматный чай, шуршал газетой и то и дело бросал нежные взгляды на своего ненаглядного Пэя.

Какая ирония. За последние пять лет это был первый раз, когда он мог вот так, без утайки, спокойно и жадно любоваться любимым человеком. И для этого тому пришлось загреметь на больничную койку без чувств. Один спал, другой медитировал — идеальная идиллия.

Стоило Пэю прийти в себя, как все очарование мигом улетучивалось: этот бесенок на месте ровно секунды не сидел. Видимо, заставить его смирно лежать под боком могли только серьезные травмы.

Одной из ночей Шаочи не выдержал. Он осторожно приподнял одеяло и принялся медленно, миллиметр за миллиметром, пододвигаться ближе... Пока не занял добрую половину кровати, пристроив свое широкое плечо рядышком.

Он взял ладонь Пэй И — ту, что уцелела, — и принялся лениво перебирать длинные пальцы, аккуратно сминая их в кулак и разглаживая обратно, точно мягкое тесто. Вторая рука Пэя была наглухо зафиксирована поддерживающей повязкой, так что до нее дотянуться не получалось.

Погруженный в приятные воспоминания, Чжан Шаочи мечтательно улыбнулся, но вдруг резко выпрямился.

Длинные ресницы на лице спящего дрогнули. Видимо, от этих настойчивых нежностей он все же проснулся. Сквозь узкие щелки приоткрытых век блеснул живой огонек — Пэй И затаив дыхание наблюдал за чудачествами своего «второго дяди».

Тем временем Чжан-цзун, смешно припадая на раненую ногу, доковылял до шкафчика и принялся там копать. Обнаружив рулон эластичного бинта, точь-в-точь такого же, каким перевязали Пэя, он вдруг загорелся глупой ребяческой идеей и принялся увлеченно обматывать собственное левое предплечье.

«Он что, совсем с катушек съехал?» — Пэй И забавлялся, глядя на то, как взрослый, солидный мужчина развлекается аки дитя малое.

Пять лет воздержания явно ударили Чжану не только по чреслам, но и по мозгам. Затаившись,

Пэй сквозь ресницы с интересом наблюдал за этим сеансом запоздалого ролевого безумия.

На полпути Чжан Шаочи тихо чертыхнулся. Какого черта он делает? Зачем бинтовать себя, когда на кровати беззащитно лежит тот, с кем действительно можно разгуляться в «докторов и пациентов»?

В глазах мужчины вспыхнул хитрый огонек.

Он подошел к постели, осторожно приподнял здоровую ногу Пэй И и, тщательно копируя собственный гипс, наложил ему на голень аккуратную, плотную повязку.

Теперь они выглядели как парные куклы. Чжан Шаочи залюбовался результатом своего труда. Белоснежный бинт будоражил фантазию, рисуя в его сознании весьма пикантные картины в духе легкого шибари. Он живо представил, как его дикий, горячий Пэй лежит полностью обнаженным, а на его изящном теле красуются лишь эти белые ленты...

Но когда Чжан Шаочи наклонился к его щиколотке, собираясь то ли поцеловать, то ли лизнуть ткань, Пэй И не выдержал и покатился со смеху.

От неожиданности Чжан вздрогнул. На его лице проступила густая краска смущения, и он тут же с глухим стуком выронил ногу парня.

— Ха-ха-ха! Ну же... чего остановился? Процедуру надо закончить! — давясь хохотом, выдавил Пэй И.

Поборов секундное замешательство, Чжан Шаочи с хищным рыком навалился сверху и сквозь тонкую больничную пижаму чувствительно прикусил упругую грудь своего неугомонного командира.

Пэй И даже не подумал уворачиваться. Прижатый к матрасу тяжелым телом, он лишь заливался звонким смехом:

— Ох, дядюшка... Ну же, поцелуйте еще разок! У меня от ваших нежностей уже пальцы на ногах сводит!

Просторная пижама окончательно измялась. Пэй И долго смеялся, закрыв лицо ладонью — так, словно пытался за эти несколько минут наверстать весь тот позитив, которого был лишен за дни беспамятства и долгие недели изнуряющей службы.

Он старательно избегал встречаться взглядом со слишком серьезными, пылающими глазами Чжана. Только так, переводя все в шутку и не вешая на себя лишних обязательств, он мог наслаждаться этой мимолетной близостью и утолять застарелую жажду друг по другу.

— И что тут смешного? Совсем мозги отшибло? — притворно рассердился Чжан Шаочи.

— Я-то давно дурачок, — промурлыкал Пэй И, сощурившись подобно довольному коту. — А вот вы... неужели за эти годы одиночества растеряли остатки разума в компании собственной правой руки?

Чжан Шаочи лишний раз убедился: когда эта язва молчит в отключке, любить его куда проще.

— Ну признайтесь, дядя, скучали по мне? Небось все яйца опухли от воздержания, аж в голову ударило? Представляю, какие пошлые картинки у вас там крутятся!

Это наглое заявление мгновенно спровоцировало новую волну возмездия. Пэй И безжалостно попал в самую болезненную мозоль одинокого зрелого мужчины. Кому понравится, когда тебе в лицо выкладывают такую правду?

Чжан Шаочи яростно затискал его, стараясь не задеть повязки. Не удовлетворившись этим, он бесцеремонно протолкнул два пальца прямо между губ Пэя, заставляя того замолчать.

Пэй И продолжал тихонько фыркать и мычать, даже когда пальцы проникли глубоко в рот, коснувшись неба. Он прикрыл глаза, дразняще обхватив их языком, упруго увлекая глубже и несколько раз жадно посасывая влажную кожу...

Когда запал безудержного веселья наконец иссяк, а дыхание выровнялось, Пэй И убрал с лица маску шутовства. Его взгляд наполнился непритворной, детской грустью:

— Прости меня, дядя. Я снова втянул тебя в свои неприятности. Не злись.

Чжан Шаочи смягчился, в груди защемило.

— Глупости говоришь. Ты... думаешь, я лезу не в свое дело? Из меня помощник так себе, только под руку лез, да еще и тебе из-за меня досталось.

Пэй И лишь молча покачал головой. Его взгляд говорил громче любых слов: «Ты сделал для меня слишком много. Это я вечно порчу тебе жизнь. Прости».

Он закинул руку за голову, прикрывая глаза локтем, чтобы спрятать от чужого взора одолевавшую его тревогу. Те, кто заставил их харкать кровью и ломать кости, должны заплатить. У каждого долга есть свой хозяин, и спускать это на тормозах он не собирался.

— Что с водителем грузовика? — внезапно спросил Пэй И, убирая руку от лица.

За этим вопросом скрывалась целая детективная история, случившаяся, пока их командир спал мертвым сном. Фань Гао, их штатный «подсолнух» и главный неудачник оперативной группы А, умудрился загреметь в неаполитанскую тюрьму строгого режима на двое суток. И допрашивали его не абы кто, а ищейки из Римского управления.

— Гражданин КНР, с фальшивыми документами на руках, какого черта вы делали в кузове того самого грузовика, который раздавил киллера? Вы сообщники?!

Для профессионального хакера Шестого специального отдела паспорт Фань Гао был вполне легальным — обычное оперативное прикрытие, изготовленное по высшему разряду в ведомственных лабораториях. Обычный патрульный или таможенник комар носа не подточил бы. Но когда на уши подняли всю местную резидентуру, за дело взялись матерые волки из Римского филиала.

Фань Гао позже со слезами на глазах жаловался командиру:

— Да откуда ж я знал-то?! Я просто запрыгнул в кузов попутной фуры в Казерте, она как раз ехала в Неаполь. Сидел себе тихо, никого не трогал, кодил помаленьку. И тут, блядь, этот отморозок решает угнать именно мою колымагу!

Настоящий убийца сработал чисто: бесшумно убрал шофера, перехватил управление, пока Фань Гао ковырялся в своих микросхемах и даже сообразить ничего не успел.

На этой же машине ликвидатор протаранил Пэй И, после чего догнал и раздавил исполнителя-байкера, безупречно завершив операцию по зачистке свидетелей.

Перед тем как бросить грузовик и скрыться, убийца распахнул двери кузова и уставился на замершего Фань Гао. Ледяное дуло пистолета уперлось парню прямо в лоб.

— Надо же, какие гости, — проскрежетал искаженный электронным модулятором голос.

— Дяденька, не надо! Я обычный студент, отстал от автобуса, денег на билет не было, решил зайцем доехать! Пожалейте-е-е! — Фань Гао чуть душу богу не отдал от страха.

— Студент? Ну надо же, — сухо рассмеялся человек под маской. — Кончай ломать комедию. Я отлично знаю, кто ты. Оперативный код НАФ-А-003, координатор Пэй И. Верно?

Парень мгновенно застыл, мысленно прощаясь с жизнью. Мамочки, да он же профи...

Хакер шмыгнул носом и зажмурился. Что ж, вот и настал его час пасть смертью храбрых на

алтарь справедливости. Он, конечно, давал присягу родине, но не думал, что жизнь оборвется так нелепо и быстро.

Помирать в расцвете сил — то еще удовольствие. Он ведь толком и пожить не успел, девчонку за руку не держал (да и парня тоже, чего уж там). Умереть девственником в двадцать с небольшим лет — это ли не высшая несправедливость? От одной этой мысли хотелось выть.

— Ладно, тратить на тебя патроны мне лень, — незнакомец опустил оружие. — Передай своему ненаглядному командиру, пусть ждет в гости.

Ликвидатор небрежно подул на ствол, издевательски хмыкнул и растворился в темноте.

И все? Просто взял и ушел?!

На прощание этот псих бросил загадочную фразу:

— Передай этой похотливой кошке, что мы старые друзья. Очень близкие друзья... Скажи, что наша встреча неизбежна. И в следующий раз живым уйдет только один.

...

Руководству Шестого специального отдела пришлось задействовать все связи, чтобы замять инцидент. После долгих конфиденциальных переговоров Римский филиал наконец признал ошибку и отпустил бедолагу Фань Гао.

Чэнь Хуань прислал срочную шифровку на всю группу:

— Немедленно сворачивайте операцию и возвращайтесь. Ваша безопасность в приоритете. Это прямой приказ. Чтобы духу вашего в Италии не было.

— Значит, он прекрасно знал, с кем имеет дело, — тихо произнес Пэй И, вновь прикрывая ладонью глаза. — И намеренно оставил тебя в живых.

Фань Гао покорно кивнул.

— Как думаешь, это мог быть Цзян Хань? — спросил командир.

— Босс Цзян? — Фань Гао, набивший руку на фотороботах, задумался. — Честно говоря, вряд ли. Ему все-таки глубоко за пятьдесят. Каким бы подтянутым он ни был, годы берут свое. А этот парень двигался слишком легко, резко, по-молодецки. И руки... когда он целился мне в лоб, я успел разглядеть его пальцы. Кожа гладкая, ни пигментных пятен, ни старческих

морщин. Молодой мужчина, точно говорю.

Пэй И одобрительно кивнул. Его маленький «подсолнух» оказался на удивление наблюдательным.

— Держи это при себе, — строго наказал он. — Ни единой живой душе, включая Чэнь Хуаня, Лянь Наньюя и ребят. И уж тем более — Чжан Шаочи. Понял меня?

Фань Гао торопливо закивал, преданно глядя на босса.

— Но, командир... этот ублюдок уверял, что вы близко знакомы.

— Много он о себе понимает, — поморщился Пэй И. — У меня никогда не было друзей среди конченных психопатов. Меньше слушай этот бред.

Садистские методы ночного визитера вызывали у него лишь глубокое отвращение.

Для него грань между добром и злом всегда была предельно четкой.

Те несколько дней, что он провел в полузабытьи, были не просто отдыхом. Перед его внутренним взором то и дело возникал образ погибшего парня-шатена — его изуродованное тело, дерзкое, почти безумное лицо... Кем нужно вырасти, чтобы превратиться в такое чудовище?

На душе скребли кошки. Так же невыносимо ему было, когда погиб Нин Фэйюй.

В тишине пустой палаты Пэй И невольно возвращался к прошлому, перебирая имена из своего бесконечного расстрельного списка. Люди, чьи жизни оборвались по его вине, чьи лица стерлись из памяти, оставив лишь пепел... Но ведь и он когда-то был ребенком. Как он сам докатился до такой жизни? Почему стал тем, кто он есть сейчас?

Сколько бы он ни пытался казаться равнодушным, под маской хладнокровия все еще билось живое человеческое сердце, способное сопереживать и страдать.

На самом дне этого ледяного, мертвого моря глубоко под водой продолжало тлеть невидимое миру пламя.

<http://bllate.org/book/19434/1999013>